

КОНКОРДИЯ АНТАРОВА

Москва
2024

УДК 821.161.1-313.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни. III—IV / Конкордия Антарова. — Москва : Эксмо, 2024. — 832 с.

ISBN 978-5-04-177008-2

Новое подарочное издание известного мистического романа Конкордии Антаровой в двух томах — прекрасный подарок всем ценителям глубокой философской литературы. Захватывающий сюжет, мелодрама и мистика, борьба добра и зла, черные маги, погони и преследования — это далеко не все, что делает роман Конкордии Антаровой поистине легендарным. В его основе — изложение основ философско-эзотерических знаний и закономерностей духовного развития, многомерности мироздания и его законов. Роман известен своими глубокими философскими афоризмами, рассыпанными, словно жемчужины, в разных эпизодах приключенческого сюжета романа. Это делает роман настоящим кладезем ценнейшей информации для всех, кто интересуется духовной мудростью. Роман впервые издается в двух томах в изыщном коллекционном оформлении, которое станет украшением книжной полки и подарком для души.

УДК 821.161.1-313.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-177008-2

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

ПРИЕЗД В ИМЕНИЕ АЛИ. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ВСТРЕЧИ

Долго, очень долго странствовали мы с Иллофиллионом, прежде чем добрались до Индии. Иллофиллион часто делал длительные остановки, желая не только дать мне отдых, но и предоставить все возможности понаблюдать жизнь разных народов, посмотреть их нравы и обычаи.

Посещая разные страны, он отчасти руководствовался своими делами, но чаще всего стремился расширить «мои университеты». Так, когда мы посетили Багдад, Иллофиллион, смеясь, уверял меня, что мне необходимо понять прелесть реального Багдада, а не судить о нём только по сказкам и вкусным пирожным.

Наше путешествие, длившееся несколько месяцев, благодаря ежедневному влиянию и заботам Иллофиллиона не только укрепило моё здоровье, но и изменило мой характер. Я почти перестал быть «Лёвушкой — лови ворон», внимание моё стало дисциплинированным, и — сам не знаю, как это произошло, — я перестал впадать в раздражение.

Рассказать обо всех чудесах, которые довелось мне видеть, так же невозможно, как в одной статуе отразить жизнь целой эпохи какого-либо народа. Могу сказать только, что, как ни готовил меня Иллофиллион к тому, что я увижу в Индии, она меня поразила сильнее всех чудес, которые пришлось увидеть за всё наше долгое путешествие. Я знал, что мы едем к подножию Гималаев; знал, что имение Али расположено в прекрасной и живописной долине, — но я и вообразить не мог, в какую волшебную красоту мы попадём.

Судя по тем домикам друзей Иллофиллиона, в которых мы останавливались, я ожидал и в имении Али увидеть такой же маленький чистенький коттедж, снабжённый единственным очагом и необходимой для жизни ут-

варью. Но, как и во многом другом, я ошибся. Дом в имении Али оказался прекрасным, выстроенным из белого, похожего на мрамор камня, с многочисленными колоннами, с изолированными комнатами.

Нас с Иллофиллионом ждали на верхнем этаже две чудесные комнаты с балконами. И когда я вышел на свой балкон, открывшийся с него вид так меня поразил, что я всё забыл и, превратившись в прежнего Лёвушку, «ловиворонил» до тех пор, пока солнце не закатилось за горы. А я всё стоял, забыв обо всём.

Меня привела в себя мягко опустившаяся мне на плечо рука Иллофиллиона. Ах, как он был прекрасен! Я ещё никогда не видел его столь красивым, каким он стоял сейчас передо мной. Он был в хитоне оранжевого цвета; волосы его слегка отросли и ниспадали короткими локонами, а топазовые глаза могли поспорить с глазами-звёздами Ананды.

Я хотел воскликнуть: «Как вы прекрасны, Иллофиллион!» — но не мог выговорить ни слова. В первый раз я почувствовал, насколько возвышен духовно мой дорогой друг, насколько его душа выше всего обычного, человеческого. Чувство благоговения, благодарности за всё, что он для меня сделал, и преданности ему захватили меня. Я молча смотрел на него. Он понял мои чувства и, ласково улыбаясь, сказал мне:

— Я не тревожил тебя, Лёвушка, потому что знал, как действует на человека этот дом и этот вид из него, когда его видят впервые. Но сейчас наступит вечер, который здесь настанет очень быстро. Мы должны вовремя успеть к ужину. Пойдём, я покажу тебе, где ванна и душ, познакомлю тебя с управляющим домом и со слугой, который будет у нас с тобой общим. Ты можешь надеть индусскую одежду, которую здесь носят все, или остаться одетым по-европейски, если тебе так больше нравится. Но являться к трапезам без опозданий — это единственное правило, соблюдаемое всеми с большой точностью. Не беспокойся, ты успеешь, — улыбнулся Иллофиллион, прочтя на моём лице опасение опоздать.

Мы прошли к управляющему домом, одетому также в белую индусскую одежду и, судя по его лицу, бывшему типичным местным жителем. Он был красив, ещё молод, тонок и гибок. У него было продолговатое лицо, тёмное от загара, тёмная борода-эспаньолка, тёмные глаза и белый тюрбан на голове. На моё приветствие он ответил по-английски, но с сильным акцентом и певуче. Голос его был мелодичен и мягок; взгляд добрый, но пристальный и внимательный, как будто он старался меня запомнить, что-то во мне изучить и понять. Но мне некогда было об этом раздумывать, я запомнил только, что звали его Кастанда. Меня очень удивило это имя, но тут же я вспомнил о ванной и помчался туда с одной мыслью: скорее вернуться к Иллофиллиону.

Меня ждали сюрприз за сюрпризом. Я думал увидеть какую-нибудь самодельную душевую, вроде тех, что встречались нам по пути. Чаще всего это было просто огороженное в саду место с душем из нагретой солнцем воды. А попал в отличную ванную комнату с полом и стенами из плитки, с неограниченным количеством горячей и холодной воды, подаваемой из водопроводных кранов. К довершению моего удивления, не успел я начать мыться, как в ванную комнату вошёл слуга-китаец. Добродушно улыбаясь, он заявил, что прислан Кастандой помочь мне. Не дав мне опомниться, он окатил меня из какого-то кувшина чем-то тёплым, оказавшимся жидким душистым мылом. В мгновение ока он растёр меня всего мягкой мочалкой и подвёл под душ, так что мне оставалось только наслаждаться.

— Садитесь теперь в ванну, мсье Леон, — услышал я сказанное им по-французски. Я готов был ко всему. Но услышав от китайца, который только что объяснялся со мной на плохом английском, французскую речь, я не выдержал и расхохотался во весь голос.

Бросившись в прекрасную каменную ванну, из такого же белого камня, как и весь дом, я продолжал смеяться.

— Вот и Али-молодой говорила, что мсье Леон очень весёлая особа, — снова услышал я голос слуги.

— Разве вы знаете Али-молодого? — удивился я.

— Как же не знать? Я вырастил Али-молодого. Он и послал меня сюда для вас и брата Иллофиллиона. И сам он приедет сюда. Тогда у меня будет три господина, — преуморительно коверкая слова, отвечал слуга.

Выскочить из ванны, вытереться и одеться в костюм, уже приготовленный мне, было делом одной минуты. Сердечно поблагодарив китайца за помощь, я спросил, как его имя. Он немного замаялся и ответил:

— Как имя — это другое дело. Вы зовите меня Ясса — так зовёт меня Али-молодой и зовут все здесь.

— Я буду звать вас Ясса, но с тем условием, чтобы и вы звали меня просто Лёвушка, как меня зовёт Али-молодой и как будут звать все здесь.

Китаец рассмеялся и сказал:

— Будет так, если Иллофиллион велит.

— Велит, велит, можете быть уверены.

Я бросился было бежать к Иллофиллиону, но сначала понёсся в совершенно противоположную сторону и только с помощью всё того же Яссы нашёл Иллофиллиона в его комнате, где он беседовал с Кастандой.

— Я не опоздал, Иллофиллион? — весело воскликнул я, вбегая в комнату.

— Ещё только через четверть часа будет гонг к ужину, — ответил мне Кастанда. — Не удивляйтесь, пожалуйста, если ваш и Иллофиллиона при-

боры будут украшены цветами. Али Мохаммед, наш дорогой хозяин, предупредил нас о приезде его друзей. И каждый из живущих здесь сейчас пожелал выразить чем-нибудь свой привет вновь прибывшим гостям. Сам же Али-старший приветствует вас подарками, которые вы также найдёте на своих приборах.

Кастанда нас покинул, и Иллофиллион сказал мне:

— В столовой, как и здесь, царит простота, Лёвушка. Но это не значит, что человек лишён комфорта. Сейчас у тебя ослеплены глаза. Ты рассеян и не знаешь, куда и на что смотреть. Завтра ты лучше рассмотришь всё, что тебя окружает. Мы пойдём сейчас ужинать, не смущайся большим количеством незнакомых тебе людей. Ты встретишь и немало женщин.

У меня сжалось сердце. Точно живая, пронеслась перед моими глазами Анна. О, как остро я почувствовал её горе в эту минуту! Она могла быть здесь с нами. Ананда сам мог привезти её сюда, и вот одно мгновение сомнений и ревности — и всё пропало.

— Анна не безвозвратно отошла, — тихо и ласково сказал мне Иллофиллион. — Она укрепитя и тоже будет здесь. Бури ревнивых сил не вспыхнут в ней больше. Но здесь она окажется только тогда, когда сюда приедет и дочь Али — Наль, со своим мужем, твоим братом. К этому времени Али сам привезёт сюда Анну. Не печалься о ней. Помогай ей мыслями радостной любви. Посылай ей утром и вечером помощь мыслями бодрости и мужества. Ничем более активным ты в данную минуту ей помочь не можешь. Но ты не думай, что этого мало. Это очень большая помощь. Ежедневная радостная мысль о человеке подобна молниеносной постройке рельсов для моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто и постоянно думать.

Ударила гонг. Иллофиллион, как всегда угадавший моё смущение, взял меня под руку, и мы сошли вниз.

Было уже почти темно, но тем не менее всё ещё очень жарко. Зал, называвшийся столовой, был ярко освещён электричеством, к моему удивлению. Несколько дверей в нём были настежь открыты, окна были завешены мокрой кисеёй, и под потолком вращались десятки огромных вееров, создававших прохладный ветерок. Но всё же было душно.

Я понял, насколько я окреп. Раньше я не смог бы вынести ни минуты такой жары. Перед этой жарой духота Константинополя казалась шуткой. Несколько месяцев тому назад я немедленно упал бы в обморок, а сейчас мне было просто душно. Мой индусский костюм и сандалии на босу ногу очень мне помогали.

Мы вошли одними из первых. Кастанда сейчас же подошёл к нам и проводил к нашим местам. Они оказались за крайним столом, на котором было

много приборов, как и на других столах. Многие из входивших приветствовали Иллофиллиона как старого знакомого. Некоторые кланялись нам обоим издали как вновь прибывшим друзьям. Здесь все, очевидно, были знакомы друг с другом и никто никого не стеснялся.

Когда все заняли места за столами, на каждый стол стали подавать кушанья очень своеобразным порядком. На небольших, очень пропорциональных и красивых столиках, которые катили слуги, стояли тарелки и блюда, и каждый брал себе то, что хотел и сколько хотел. Такие катящиеся столики свободно проходили между обеденными столами. Наш стол был крайним к окнам, и тележка прикатила к нам со стороны окна.

Иллофиллион предложил мне выбрать блюда для себя и для него, а я не мог решить, что и как здесь едят. Заметив на одном из блюд салат из помидоров, на другом картофель, а на третьем — цветную капусту, я принялся накладывать их на тарелку Иллофиллиона, как вдруг увидел ещё на одном блюде чудесную дыню. Вспомнив, что «мудрец без дыни невозможен», я уже хотел положить на тарелку и дыню, но Иллофиллион, смеясь, сказал:

— Тележка-стол, Лёвушка, опять приедет, как только мы с тобой справимся с овощами. Обрати лучше внимание на цветы, которые стоят перед тобой, и ещё на кое-что. Быть может, привет Али тебя тронет.

Я стал рассматривать цветы и увидел, что передо мной в высокой зелёной вазе стояла белая лилия. Очевидно, у Али и здесь были оранжереи. Но я положительно не мог ни на чём сосредоточиться. Сколько передо мной было лиц — мужских, женских, молодых, средних и старых, — и каких лиц! Мне хотелось их хотя бы вскользь рассмотреть, но каждое лицо, на котором останавливался мой взгляд, казалось мне замечательным, и я с трудом отрывал взгляд от него.

— Нет, Лёвушка, и не пытайся сразу разглядеть всё и всех, — услышал я смеющийся голос Иллофиллиона. — Здесь более ста человек, ты с ними познакомишься постепенно. Приступай к ужину, обрати внимание на свой прибор и сосчитай хотя бы тех, кто сидит с нами за одним столом.

Я вздохнул, ещё раз осознав, как далеко мне до Иллофиллиона, который мог видеть одновременно сотню людей и в несколько минут понять сущность каждого из них; мог каждому сказать именно то, что ему нужно, и поддержать в каждом энергию одним словом или взглядом.

Меня уже не поражали эти способности Иллофиллиона. Я их достаточно видел и у Флорентийца, и у Ананды. Что-то удивляло меня в этих людях, наполнявших зал. За последнее время я видел немало больших скоплений людей. Но в этом зале было что-то особенное, чего я ещё нигде не наблюдал. И это «что-то» относилось не к внешнему своеобразию самого зала, а людям, собравшимся в нём. Оно относилось к их внутренней сущности, к не

бросавшейся в глаза, но остро чувствовавшейся в них духовной культуре. Я воспринимал сейчас эту толпу людей совершенно по-другому. Здесь нельзя было себе представить, что вдруг в каком-либо углу зала прозвучит резкий выкрик, саркастический смех, злобная фраза...

Иллофиллион снова отвлёк моё внимание и заставил меня есть, говоря, что тележка приедет скоро снова, а я отстаю. Я стал есть, не сознавая, что именно я ем; внезапно мой взгляд упал на салфетку — и я просто обомлел. На моей салфетке было чудесное золотое кольцо с именем Али, выложенным из мелких зелёных камней и белых жемчужин.

— Ведь я говорил тебе, посмотри на свой прибор, — сказал мне Иллофиллион, снова улыбнувшись моей невероятной рассеянности.

Я захотел узнать, какое кольцо у Иллофиллиона... И ещё раз поразился. На его салфетке было кольцо из простого белого дерева, на котором белыми кораллами была выложена надпись: «Али». Дальше шла надпись на неизвестном мне языке.

— Когда я ехал с Флорентийцем из К., — сказал я Иллофиллиону, — я не понимал ни слова из того, о чём он говорил с туземцами. Я был тогда всё время раздражён и расстроен. Тогда же я дал себе слово изучить этот язык, непонимание которого доводило меня до иступления. Я ничего ещё не сделал, чтобы выполнить свой первый обет. Тем не менее я даю второй обет: узнать язык, на котором сделана надпись на вашем кольце, Иллофиллион. Я потерял способность раздражаться, и меня теперь не угнетает моё невежество. Пожалуй, в моём теперешнем самообладании я ещё яснее вижу мою невежественность. Поможете ли вы мне, Иллофиллион, выполнить мои два обета?

— Охотно, друг. Только, пожалуйста, не давай больше скоропалительных обетов, а то, пожалуй, тебе придётся прожить здесь, в Общине Али, многие годы. А я привёз тебя сюда только на короткий срок, чтобы ты мог подготовиться здесь к дальнейшей жизни рядом с Флорентийцем.

— Община Али? — совершенно изумлённый, спросил я.

— Да, но всё это я расскажу тебе потом. Сейчас кушай, смотри, отвечай на вопросы, хотя, думаю, никто ни о чём тебя не спросит.

Так, прислушиваясь к разговорам за нашим столом, я стал внимательно рассматривать своих ближайших соседей. Я прикоснулся к цветам возле моего прибора и вдруг увидел среди них два небольших конверта. На каждом из них стояло моё имя. Я сразу узнал крупный чёткий почерк Али-старшего и не менее чёткий, но гораздо более мелкий и женственный почерк Али-молодого.

Вместе с огромной радостью на меня нахлынула целая туча воспоминаний. Я вновь переживал пир у Али, разлуку с братом, встречу с Флорен-

тийцем и отдельные эпизоды путешествия с ним. Любовь к брату была всё такой же сильной в моём сердце, но сейчас в моей памяти преобладающей нотой звучала не скорбь о разлуке с ним, а радость за него, радость, что он счастлив, в безопасности и живёт подле Флорентийца. Я думал об Али-старшем с огромной благодарностью не только за то, что сейчас сидел под его кровом, но и за то, как много он сделал для брата, как, в сущности, оба мы были обязаны ему всем.

И вдруг я снова ощутил знакомое мне содрогание во всём организме. Мне показалось, что я вижу Али стоящим у круглого окна вдали. Вижу его прожигающие очи и слышу его сильный голос и чёткую речь:

— Учись, Лёвушка. Первой задачей стоит перед тобой полное самообладание, второй — бесстрашие, и третьей — такт. Приобретая эти качества, можешь снова выйти в мир для труда и служения людям. Иллофиллион поможет тебе, и я приму тебя в круг моих сотрудников.

Али исчез; мне показалось, что в комнате стало значительно темнее. Я опомнился потому, что Иллофиллион заботливо помогал мне встать со стула. Я давно не впадал в болезненное состояние иллюзорных видений, считал себя совсем выздоровевшим от них и сейчас совершенно расстроился, поняв, что я ещё недостаточно окреп.

Все вставали со своих мест, очевидно, ужин был окончен. Повинуясь руке Иллофиллиона, я также встал с места и увидел перед собой Кастанду.

— Вы, вероятно, очень устали от дороги и жары, Лёвушка, я пришлю вам ваши цветы на балкон. А письма вы, конечно, захотите взять с собой сейчас же, — подавая мне письма, сказал Кастанда.

Я поблагодарил, взял оба письма, хотел взять и кольцо, но Иллофиллион сказал, что кольцо мы рассмотрим завтра при дневном свете. Он познакомил меня с некоторыми из подходивших к нему друзей. Но я был как в тумане и едва различал лица, за минуту казавшиеся мне такими значительными. Мы вышли в сад. Я в первый раз мог наблюдать яркое небо на громадном просторе, но сил у меня было так мало, что я попросил Иллофиллиона сесть на первую попавшуюся нам скамью. Я приник к Иллофиллиону. От него бежала ко мне живительная энергия. Я постепенно успокоился и почувствовал, что сердце моё бьётся ровно. Я сказал, что хочу пойти к себе и прочесть письма обоих Али.

— Скоро, гораздо скорее, чем ты думаешь, Лёвушка, ты научишься владеть собою и будешь слышать речь своих друзей на огромном расстоянии без всякого напряжения, — ласково говорил Иллофиллион, провожая меня домой.

Из всего окружающего меня сейчас я мог только в одном дать себе отчёт: тишина ночи отвечала тишине во мне. По дорожкам сада двигались

тёмные тени группами, парами, в одиночку. И снова, сталкиваясь с людьми, шедшими нам навстречу, я чувствовал — как и в обеденном зале, — что от них исходит искреннее доброжелательство. В чём оно выражалось и как я мог его ощущать, я не знал. Но был определённо уверен, что здесь никто меня не осуждает, не разбирает по статьям, а очень просто и любовно принимает в своё общество.

Иллофиллион вёл меня какими-то дальними путями, я понял, что он хотел мне дать возможность полностью прийти в себя. Мне стало вдруг даже смешно: неужели Иллофиллион думает, что я прежний Лёвушка, что в какой-либо щели моего существа могло засесть раздражение?

— Мой дорогой Иллофиллион, я уже давно способен читать мои письма; голова моя в полном порядке. Неужели вы можете предполагать, что я сегодня был раздражён? Я уже забыл, как это делается, — весело заглянул я в лицо Иллофиллиону при ярко горевших звёздах.

— Я знаю, что для тебя стало невозможным раздражаться, Лёвушка, и если я так долго вожу тебя по саду, то только для того, чтобы в первую же ночь, как ты войдёшь в здешний дом Али, ты был в полном равновесии сил и чувств. Мы в Общине Али. Каждый из нас, придя сюда, уже прошёл крестный путь жизни. Но не каждый прошедший его мог дойти до этого дома. Здесь ты увидишь только тех, кто просветлён в своём страдании, кто понял, принял и благословил свои жизненные обстоятельства, кто захотел жить, служа человечеству, думая об общем благе. Входя сегодня в этот дом, подумай, мой дорогой мальчик, обо всех, кого ты оставил в Константинополе. Обо всех, кто сейчас вместе с Анандой и Флорентийцем, а также вспомни сэра Уоми и всех, кто с нами был рядом и ушёл утешённым и обрадованным. Оба Али будут говорить с тобою в письмах; благослови день встречи с ними. Сбрось всю тяжесть прежней скорби и недоразумений с себя. Войди под новый кров Али свободным, лёгким и радостным. Не думай, что сулит тебе *завтра*. Но заверши своё *сегодня* такой полнотой чувств, чтобы весь твой организм смог воспринять слова, которые посылает тебе в письме Али-старший.

Мы вошли в дом, поднялись к себе, и я простился с Иллофиллионом, чтобы наедине прочесть письмо Али, чудесное лицо которого я так недавно видел глядящим на меня из эфира в круглом окне.

«Друг, брат и милый сын!

Нет расстояния и условного разъединения для тех, чьё сердце горит неугасимой любовью. Нет смерти для тех, чьё сознание раскрыло человеку его живую Вечность, которую он в себе носит.

Сегодня ты вступил в мой дом на Востоке. Вступай в него не гостем, не другом, но равноправным членом моей семьи. Все, кого ты там встре-

тишь, — все твои братья и сёстры, идущие путём труда и совершенствования.

Тебе дано больше, чем многим из них. Ты обладаешь силой видеть и слышать в любую минуту и меня, и Флорентийца, и Ананду, и сэра Уоми. Иллофиллион поведёт тебя к высшей ступени знания, помогая развитию твоих психических сил. Ты будешь владеть духовными силами в себе самом и вовне.

Что нужно от тебя, чтобы этот процесс шёл успешно и раскрыл в тебе все силы творческого духа?

Нужна твоя верность. Что такое верность ученика своему Учителю? Это единение вечное с его трудом и путями. Если ты сможешь проявить героическое напряжение своих сил и мыслей, ты сольёшься со светлым пламенем творчества твоих Учителей. И Вечность раскроет в тебе все твои таланты. Но верность твоя — единственный ключ ко всему знанию.

Живи легко, бесстрашно и свободно. Кто не сумеет так проходить свой день, для тех истинное знание окажется закрытым, хотя бы они даже переступили порог Общины. Можно жить среди совершенных людей — и всё же видеть только их внешние манеры. Можно жить среди таких же, как ты сам, несовершенных, но стремящихся к совершенству людей, и видеть в них каплю великого огня Вечности. И тогда ты будешь стремиться не омрачить ничем этой капли огня в другом человеке, а принести ей помощь, чтобы она могла легче и проще, выше и веселее превращаться из капли в светлый костёр. Повторяю, ключ к такому пути ни Община, ни люди, ни природа с её красотой никому не предоставят. Ключ — в тебе самом, в твоей верности.

Нет никаких «особых» знаний, которые раскрываются человеку с помощью упорства воли, в каких-то избранных местах, по особым ритуалам. Такими делами занимаются только тёмные оккультисты. Знания их, приобретённые этим путём, ничтожны, в чём ты уже имел возможность убедиться. Но соблазн, который они вносят в мир, и язвы, которые они оставляют в сердцах, страшны и разрушительны среди людей невежественных. Действуя на эгоистические страсти, тёмные оккультисты вербуют себе войско, разрушая в людях стремление к добру своим тяжёлым гипнозом.

Та Община, где ты сейчас живёшь, — это спасительная сеть, где воспитываются бойцы для борьбы со злом, с тёмными силами, с разжигающими страстями. Здесь закаляются сердца тех, кто хочет жить для общего блага, ради мира и радости людей.

Знание — двигатель жизни, и радость — масло для него. С той минуты, как ты вошёл под кров моей Общины, осознай новый порядок вещей и пойми в нём новый подарок, который тебе дала Великая Жизнь.

Перед тобой период в целых семь лет абсолютной раскрепощенности от всех забот практической жизни. В полной освобождённости от бытовых тягот осознай свою величайшую внутреннюю свободу. Осознай, что твоё Я, освобождённое от страстей, может сдвигать горы, если верность твоя непоколебима до конца и никакие сомнения и страхи не могут пробить в ней бреши.

Прими, друг, бодрое пожатие моей руки и иди по жизни в простой доброты. Как только доброта твоя станет ежедневным, привычным двигателем твоей жизни — ты каждую встречу сумеешь начать и закончить в радости и мире.

Верь мне — всё, чего должен достичь человек при встречах, — это начать и закончить *каждую* из них в мире, милосердии и доброте.

Время — те семь лет, о которых я упомянул и которые кажутся тебе сейчас целой вечностью, — промелькнёт, как одно мгновение. И, покидая гостеприимный кров Общины, ты будешь сам себя уверять, что ещё не чувствуешь себя в силах идти в самостоятельную жизнь, чтобы строить людям пути к общему благу и миру.

Но... для каждого приходит *его* собственный момент готовности, *его* момент творчества, *его* момент развития и действия героических сил.

Кто слишком спешит — не достигает. Кто отстаёт и медлит — находит смерть. Мужайся, друг. Ты хорошо начал свой путь — продолжай его так же. Если в минуту разлада ты будешь нуждаться в моей помощи, сосредоточенно и уверенно думай обо мне, произноси имя моё, и я отвечу тебе немедленно.

Прими мой привет и пожелание мира,

твой друг Али Мохаммед».

Я потушил лампу, взял в руки письмо и вышел на балкон. Ночь, тихая, тёмная, с небом, усеянным звёздами, окружала меня. Огромные пальмы едва вырисовывались в темноте волшебными контурами. Неведомые мне звуки этой ночи, какие-то шорохи, точно вздохи, очень отдалённый звук свирели, аромат роз и гвоздик... Всё слилось в какое-то кольцо ещё неведомых мне чувств спокойствия и блаженства. Гармония, царившая в этой ночи, захватила меня. Я перестал чувствовать себя отдельным существом и ощущал всеобщую радость бытия, счастье жить в этом очаровании Вселенной, живой частью которой я себя сознавал.

Прижав письмо к губам, я благодарил Али за все его благодеяния мне и моему брату. Я прочёл письмо ещё раз, не глазами и умом, но сердцем. Любовь моя к Али полилась горячей волной, раскрывая мне великую мощь его духа. Я увидел ещё один аспект, аспект любви, в образе моего великого друга. И я захотел приблизиться к знанию, чтобы приблизиться к нему.

Я так долго простоял на балконе, что звёзды стали меркнуть, восток зарозовел. Я вспомнил о письме Али-молодого и поспешил в комнату. Волшебная картина пробуждающейся жизни заставила меня отдёрнуть занавеси. Я распахнул одно за другим все окна настежь и стал наблюдать, как из-за горного хребта выплывала красная полоса, становясь всё шире и ярче. Внезапно выскочил краешек солнца, и я едва удержал крик восторга. Весь горный хребет с белыми вершинами, залитый розовым светом, открывался на дальнем горизонте. И до самого хребта тянулась широчайшая долина с живописными селениями, переплетающимися садами, полянами и лесами. Я только тогда отошёл от окна, когда увидел садовников, выходявших из дальних построек Общины.

Одновременно начиналась жизнь во многих местах всего дома. Я видел одетых в белое людей, идущих с мохнатыми полотенцами на плечах купаться к горной речке.

Сев в кресло, я стал читать второе письмо.

«Мой дорогой Лёвушка, мой милый брат», — писал своим мелким и необычайно красивым почерком молодой Али. Глядя на этот характерный почерк, я особенно ярко представил себе Али. Я вспомнил его в первые минуты встречи, когда он, не видя нас с братом, высаживал из коляски ворчливую тётку и украдкой улыбался Наль. Я вспомнил его и в ту минуту, когда Наль подала цветок брату Николаю... Я словно вновь увидел его в индусской одежде на даче у дяди Али. Как должен был тогда страдать этот утончённый юноша, буквы почерка которого ложились ровной лентой, как гармонично сплетённое кружево. Какая стойкость воли и любви должна была жить в этом гармоничном существе, чтобы после смертельного удара вновь жить полной жизнью, улыбаться и радоваться. Сейчас для меня было ясно, что именно в тот момент, когда Наль подала цветок не ему, а брату Николаю, Али-молодой умер. Умер беззаботный, влюблённый Али; умер жених, мечтавший о любви и создании семьи, и остался жить новый человек, воин, строитель жизни, уже навек забывший о себе возле Али-старшего.

Я не спрашивал себя сейчас: «Зачем столько страданий в мире?» Я знал теперь, зачем они; знал, что через них люди приходят к Знанию и на препятствиях растут и закаляются. Я снова стал читать письмо.

«Передо мной мелькают картины твоей тревожной жизни последних месяцев. Не раз сжималось моё сердце за все твои муки, и я хотел бы поменяться с тобой ролями и взять на себя твой подвиг, предоставив тебе спокойную жизнь возле дяди Али. Но... путь жизни ни себе, ни другому не выберешь. Этот путь стелется там и так, как судьба его создаёт.

В письме не передашь всего, что хотелось бы излить из сердца. Да и слова наши малы для того огромного, чем я хотел бы поделиться с тобой. Одно мне необходимо тебе сказать: не печалься ни обо мне, ни о твоём брате.

Видишь ли, цель жизни на земле — духовное освобождение посредством труда. Но мы так созданы, что, приходя на землю, приносим и растим в себе огромное количество страстей и предрассудков, которые опутывают нас, как цепкие лианы. И чем прекраснее цветы наших иллюзорных лиан, тем яростнее мы к ним привязываемся и за ними гоняемся. Когда же настает момент нашего внутреннего созревания, нам приходится разрывать цепи своих иллюзий. И если эти цепи глубоко вросли в наше сердце, то в тот момент, когда мы разрываем их, нечто прежнее в нас умирает. Умирает иногда целыми частями своего существа, чтобы на месте связывавших нас страстей выросла радость освобождения.

Не могу тебе сказать, что я завоевывал свои ступени роста и освобождения легко и просто. Я уже много раз умирал под вцепившимися в меня лианами страстей и много раз снова оживал, всегда благословляя Жизнь за посланный ею урок освобождения.

Я вижу, как свалились на тебя сразу целые десятки уроков. Я вижу, как стойчески ты их выдержишь, мой дорогой друг Лёвушка. Тебе кажется, что страданий вокруг слишком много, что Милосердие Жизни могло бы больше позаботиться о радости людей. Нет, Лёвушка, не Жизнь раздаёт награды и удачи или беды и наказания. Каждый человек подбирает в своих днях то, что он сам своими делами в веках разбросал вокруг себя.

Выбросить, как ковшом вычерпать, мутную воду, которую сам пролил в жизнь, — невозможно, её надо пропустить через собственное сознание и труд. И только тогда вода, прошедшая через фильтр собственной доброты, всосётся в землю, оставив на поверхности её, окружающей человека, кристаллы чистой Любви. Эти сверкающие кристаллы уже не могут ни замутиться, ни разрушиться. Это искры твоей вечной Любви, которые живут в тебе и в каждом. Они легки, чисты и сыплются с нас, как алмазный дождь, когда мы трудимся на земле в своём простом дне, думая не о себе, а о встречаемых.

Чем больше любви в сердце, освобождённой и очищенной, тем чище и шире вокруг нас блестящий ковёр, на котором встречает своих ближних каждый человек. Когда ещё только подходишь к человеку, уже издали ощущаешь аромат духовной атмосферы его ковра. И тот человек, чья атмосфера очаровывает нежностью и чистотой аромата, всегда много-много раз уже умирал своими страстями, прежде чем они переросли в кристаллы освобождённой любви.

Тебе, Лёвушка, пришлось много выстрадать. Но перед тобой ещё огромная, долгая-долгая жизнь. Всё ещё встретится тебе на пути. Но знай одно: нет таких ступеней совершенства, которые сваливались бы с неба на плечи человеку сами собой, словно из рога изобилия, который держит чья-то рука, усыпая путь цветами. Каждый цветок — собственный труд человека. Каждая удача — твоя победа в тебе самом.

И то, что ты называешь словом «удача», — это результат твоего знания и твоё достижение на пути освобождения. Это твоя внутренняя мощь и победа, а не те внешние блага, которые обыватели зовут удачами, стараясь добыть их себе чужими руками и трудом.

Если временами тебе будет становиться особенно трудно и тяжело, знай тогда, что ты проходишь одну из ступеней своего освобождения и что в тебе умирает какая-то часть прежних иллюзий. Их умирание всегда нелегко для земного существа, наделённого сознанием и чувствами двух миров — неба и земли.

В моменты тяжёлых испытаний и страданий прибегай к помощи людей, подобных Иллофиллиону, чей ковёр любви расширился в сияющую сферу, охватывающую и его самого, и всех, кто к нему подходит. Дядя Али говорил мне, что скоро направит меня к тебе в Общину. Я был в этом месте уже два раза и буду счастлив, если встречу там с тобой.

Прими мой сердечный привет, дорогой друг. Не стоит и говорить, как я буду рад, если ты не откажешь мне в своей дружбе и будешь мне писать. Я же всегда с тобой в мыслях и дерзаю назвать себя твоим верным другом.

Али Махмуд».

Это было второе письмо, полученное мною от Али-молодого. Я поневоле вспомнил, как я караулил сон Флорентийца и читал в духоте вагона его первое письмо.

Как сравнительно мало прошло времени, ещё и года не исполнилось с нашей первой встречи с Али, а сколько уже промелькнуло событий. И таких событий, которые закрыли собою образ того мальчика, который приехал когда-то в К. Я невольно улыбнулся, когда представил себе того наивного, невнимательного, не умеющего владеть собой Лёвущку, который шёл на пир Али и воображал себя героем маскарада. Мне показалось, что я даже не мог теперь испытывать такие экспансивные чувства, как в то время. Вспомнил я и своё отчаяние, одиночество, слёзы брошенного существа — и ясно понял, что уже переступил какую-то ступень сознания и больше не буду искать счастья в той или иной форме внешней жизни.

Вероятно, я ещё долго раздумывал бы о всевозможных вопросах, которые появлялись, ассоциируясь с воспоминаниями, но меня отвлек цветок,

брошенный в окно. Я поднял цветок, вышел на балкон и увидел Иллофиллиона, звавшего меня к горной речке купаться.

— Да ты, Лёвушка, не спал? Это никуда не годится, — говорил мне притворно-грозным тоном мой дорогой друг и наставник. — Сегодня я буду знакомить тебя с большим числом моих друзей. Среди них будет немало прелестных дам, и мне вовсе не хочется, чтобы они составили себе впечатление о скучном Лёвушке, который дремлет за завтраком.

Я уверил Иллофиллиона, что не ударю лицом в грязь, спрятал письма, захватил простыню и быстро нагнал своего уже спускавшегося вниз друга.

Мы шли теперь по той живописной долине, которую я наблюдал со своего балкона. Тропа круто свернула влево, мы обогнули небольшой сад, и я снова застыл от изумления. Горная речка текла издалека, падала уступами, бурлила и пенилась, но у песчаной отмели, куда привёл меня Иллофиллион, разливалась большим озером, как огромная чаша, и вытекала снова узкой, бурлящей по уступам речкой.

Вокруг озера росли пальмы и было раскинуто много купален. Озеро было глубокое, вода холодная. И только немногие, отличные пловцы и спортсмены, решались переплыть его. На другой его стороне тоже стояли купальни, и там я различал двигавшихся людей.

Было уже очень жарко, я мечтал поскорее окунуться, но Иллофиллион повёл меня дальше, на следующий уступ горы. Здесь я увидел такую же точно картину, река образовывала озеро и текла дальше. Но это озеро было гораздо меньше и мельче. Иллофиллион объяснил мне, что приезжающим впервые в Общину нельзя купаться сразу в нижнем озере, так как слишком низкая температура воды вызывает судороги и может даже смертельно повредить всему организму. Но, постепенно приучаясь к переходам от жаркой температуры воздуха к холоду воды в озере, воды, обладающей большими целебными свойствами, можно не только сбросить с себя кучу физических болезней, но и обновить весь организм.

Многие, прожив в Общине шесть-семь лет, уезжают помолодевшими на десятки лет и почти перестают болеть. Иллофиллион, не желая оставлять меня одного, купался тоже в верхнем озере. Не знаю, как бы я чувствовал себя в нижнем озере. Но вода верхнего меня пленила. После моря, в котором за время нашего долгого путешествия я часто купался, мягкая, совершенно прозрачная и приятно прохладная вода озера, где был виден мельчайший камушек, где дно было как бархат, где не плавало ни одной медузы, казалась мне блаженством. Я никак не мог решиться расстаться с озером, и только предупреждение Иллофиллиона, что близится час женского купания и я задержу дам, заставило меня вылезти из воды. При этом я вздыхал и обещал